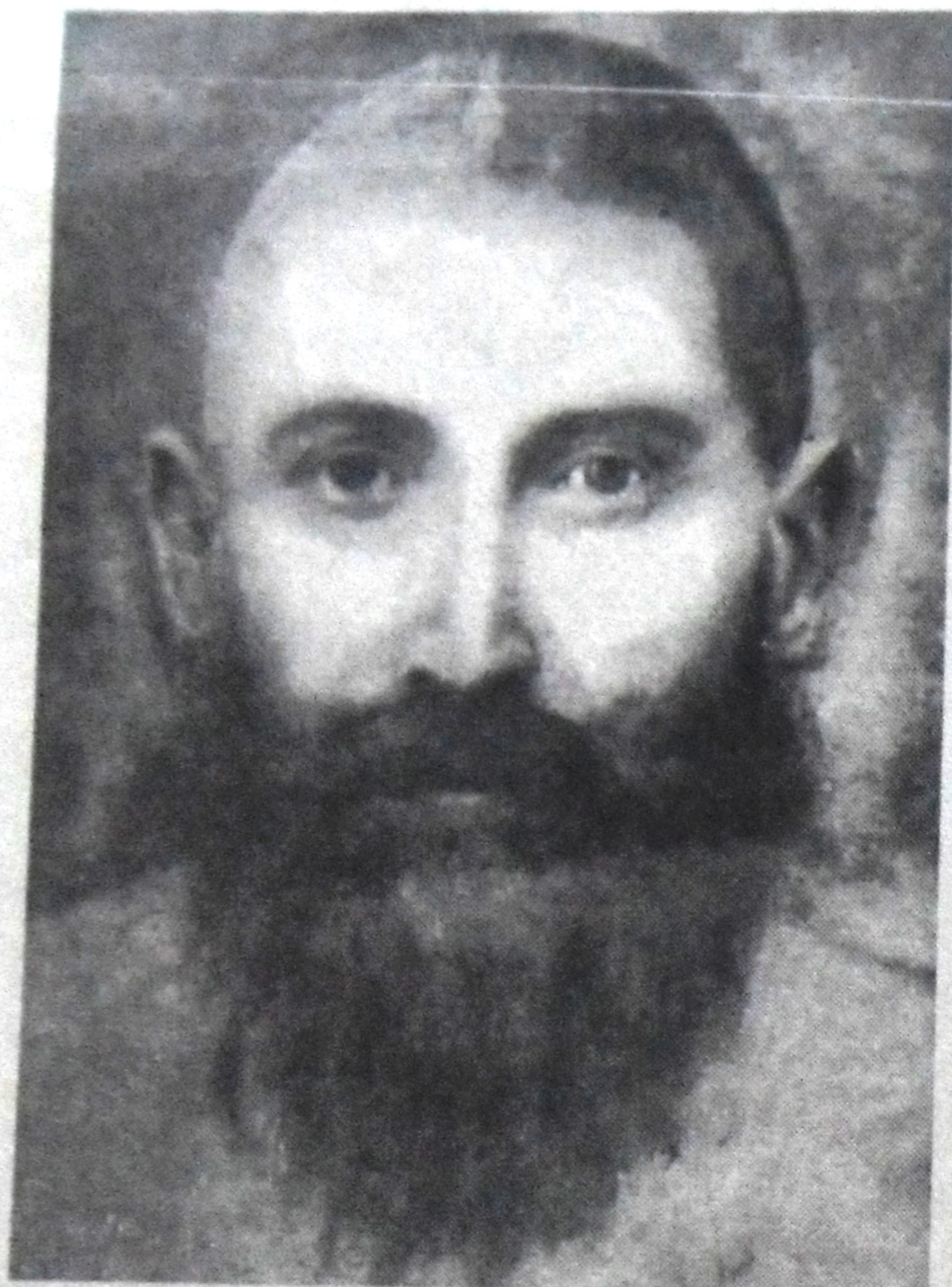

"Еще идут старинные часы..."

на каторгу. А у каторжан правую сторону головы брили начисто, чтобы видно было, что это каторжанин, вот и на фото видно... А Ида Моисеевна родилась на этапе, уже в Красноярске...

Моисей шел пешком, в кандалах, по пути с другими каторжниками строили главную сибирскую железную дорогу. А Лея, жена Моисеева - в обозе с детьми.

У Иды Моисеевны, когда в 1937 году посадили ее мужа Якова Черняховского, тоже кузнеца, детей осталось семеро: Леонид, Павел, Владимир, Мария, Николай, Доба и млад-

ший - Лева.

- За что тебя, Яша? - спросила с тоской Ида Моисеевна, когда забирали мужа.

- Не знаю, - развел руками Яков. Яков Наумович был тихим и работающим человеком, о таких обычно говорят: "И мухи не обидит", а повторил судьбу своего тестя, да и многих других...

Вот так родители Добы стали жертвами репрессий во втором поколении, а их дети - в третьем, хотя и на фронте, и на производстве были ребята передовыми, а ходу частенько не давали (смотря какое начальство попадет).

Добу Яковлевну я знаю с первого класса (школа N 3), потом техникум. Затем шахта 5-бис, комсомолили вместе. Сорок лет отдала она угольной промышленности, сле-

и здоровье подорвала, перенесла несколько операций.

Да и то сказать, как это ее мама, Ида Моисеевна, умудрялась одна, без мужа, вывести в люди всех семерых. Я часто бывала в их маленькой квартирке (рядом со старой почтой), знакомые студенты горного мимо тоже не проходили (особенно из общежития) - всегда для них на плите стоял горячий чайник и кастрюля с какой-нибудь немудрящей едой, чаще, конечно, с картошкой.

Еще помню портрет английского лорда - поэта Джорджа Байрона - красавец, шапка пышных кудрей. Это я позднее узнала, что Байрон был кумиром Александра Пушкина, был он хром, но женщины были от него без ума. А тогда я просто подолгу смотрела на портрет, да еще, чтобы никто не заметил, даже к своим мальчишкам была равнодушна. А зря.

И вот сейчас смотрю на иконописное лицо Моисея Лютеровича, каторжанина, дедушки Добы, и думаю - куда там знаменитому английскому поэту Байрону до него! Да, так вот и родилась у Моисеевой жены Леи на этапе в Красноярск младшая дочка Ида, а было это в 1894 году, т.е. сто шесть лет назад. После отбытия срока их отправили в Новую Уду (Балаганск, сейчас затоплено), и дед еще был под надзором.

- И в это время, - передает семейную легенду Доба Яковлевна, - там же находилась группа ссыльных (и беглых) - черкесы их называли. А самого грамотного фамилия Джугашвили (Сталин). Мама Иды (а было ей в ту пору 10 лет только) ходила к нему с просьбой помочь оформить и отправить документы (куда надо), чтобы с Моисея Лютеровича, ее отца (на снимке) сняли судимость. По легенде же - помог, судимость сняли. Там, в Балаганске, и похоронен дедушка моей подруги.

И под затоплением? Что же удивляться, еще Некрасов учил нас - железную дорогу по Сибири строил каторжный народ. А потом? Гулаг за гулагом...

Сколько их, Ванечка, Знаешь ли ты..."

Надо добавить, что косточки эти были и черкесские, и еврейские, и русские, и белорусские, и казахские, и удмуртские... всех не перечислишь. Да все и в одну некрасовскую строчку с рифмой на конце не войдут...

И вот Ида Моисеевна в ссылке встретила своего суженого, тоже ссыльного, из-под знатного города Киева - Якова Черняховского. Держал он постоянный двор на дороге в Олекму, потом переехали в Черемхово, работал на мехзаводе, и пропал, как и многие в те годы, кто за слово, сказанное в горячах, кто по злему доносу.

- За что тебя, Яков?

Осталась тайна. Злая, несправедливая. Но Ида Моисеевна (вот кому надо ставить памятник еще при жизни!) подняла детей своих, несмотря на злобность судьбы: старший, Леонид, всю жизнь отдал шахте, прошел путь от горнорабочего до начальника планового отдела. За ним Павел - строитель, сейчас живет в Омске, третий по счету Владимир Яковлевич - мой собрат по перу - работал редактором "Черемховского рабочего", затем в Иркутске на телевидении, за ним Николай - шестнадцати лет ушел на фронт, воевал в Польше (наград не счесть), войну закончил в Берлине, замечательный часовых дел мастер. Последыш - Лев Яковлевич, окончил политех, отработал свое тоже на предприятиях "Востсибугля". Третье поколение уже на пенсии, подрастает четвертое.

Как выжили? Помогали друг другу, старшие - младшие, связи не теряли. Укрепились в жизни, обрели веру.

- Все были на фронте, и Павел, и Николай, - говорит Доба Яковлевна. - Володя с 39 по 46 год - на Халхин-Голе, а старшая сестра Мария в 1946 году окончила медицинский институт, живет в Саратове.

Побывали мы как-то в гостях с Добой Яковлевной у близких знакомых - Шевцовых, Валенти-

смотрю - седой весь, а статью, видимо, в деда пошел, высокий и статный - горный инженер с высшим образованием - таков младший внук каторжанина Моисея Лютеровича.

Сколько в Сибири нас таких, в третьем уже поколении? И у Миши Шевцова - реабилитация, и в моей семье были подобные дела и гонения. А по России? А по другим республикам и регионам?

Есть у Добы Яковлевны документ: "...50% квартира и проезд, льготы, установленные для лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий... Свидетельство бессрочное, действительно по всей территории РФ".

А кто возместит потерю здоровья, кто избавит от нравственных страданий? Душевные раны не заживают никогда. Я помню вас, дорогая Ида Моисеевна, дочь каторжанина и жена незаконно репрессированного, сгинувшего во мраке лет Якова Наумовича Черняховского. Его я не знаю, не видела, но душа его да будет тоже спокойна за участь своих детей и внуков.

Сколько бы горя на земле ни было, свет добра и любви небогрим, только в это надо верить.

Галина Бессонова

Доба Яковлевна дедушку своего не помнит, а от отца в 1937 году она осталась пяти лет.

- Мама Ида, расскажите про дедушку, как он попал в Сибирь? - просит девчонка.

- Дедушка твой жил недалеко от Житомира, кузнецом работал. Однажды в той местности спалили помещика. А указали на него напрасно. Приходит урядник: "Так и так, собирайся". "Никуда не пойду. Не был я там". Слово за слово, урядник деда связать хотел, а он всплился, здоровый был - богатырь, одним словом. Стукнул урядника в лоб, тот и с копыткой долой... помер.

Осудили Моисея Лютеровича на смертную казнь, а у кузнеца одиннадцать детей - один другого меньше... Подана была жалоба самому царю, тот заменил смертную казнь